

Василий Водовозов

Какая нужна наука в народной школе

Василий Иванович Водовозов

Какая нужна наука в народной школе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22806289

Аннотация

«Прочитав это заглавие, читатель, конечно, уже ожидает, что мы разразимся негодующим словом против равнодушия нашего общества к делу народного образования, против жалкого невежества грамотников, которым выпало на долю быть образователями народа, и даже против поселян, большею частью видящих в образовании барскую затею, неприменимую к их жизни...»

Василий Водовозов

Какая нужна наука в народной школе

Прочитав это заглавие, читатель, конечно, уже ожидает, что мы разразимся негодующим словом против равнодушия нашего общества к делу народного образования, против жалкого невежества грамотников, которым выпало на долю быть образователями народа, и даже против поселян, большею частью видящих в образовании барскую затею, неприменимую к их жизни.

Мы рады были бы толковать об этом до истощения сил, обличать, спорить и, наконец, уподобиться хорошо заряженному электрическому проводнику, который сыплет искры на каждого, кто до него ни дотронется. Но, к сожалению, наше общество уж как-то привыкло к сотрясениям подобного рода. В разных и ученых и не ученых кружках у нас перемалывали вопрос о народном образовании до последней крупинки; но в заключение всего только осуществлялась пословица: «перемелется, мука будет». От этой муки порою и доставалось на долю народа немного мякины. Устраивали подписки на учреждение школ, с речами и провозглашениями по этому случаю тостов, собирали книги, даже открывали школы; но самое дело загоралось ненадолго; проходил ме-

сяц, другой и оно уже *испепелялось* под пеплом.

В самом деле сильна русская натура; но сильна она не своею крепостью, а мягкостью, плавкостью, русский человек может мгновенно растаять, растопиться весь от овладевшего им жару; вы думаете, все погибло: припадок, начавшись горячечным энтузиазмом, перешел в очень неприятное положение, и человек со всем, с кровью, с костями, обратился в какую-то слизистую массу. Ничуть не бывало! Смотришь: этот же самый смертный немного времени спустя ходит себе здоровехонек, как будто и припадков никаких с ним не случилось: по-прежнему толкует он о прогрессе, о необходимости сочувствия к народу и проводит какую-нибудь гуманную идейку.

А случается и так, что из какой-то глубины он крикнет об упадке народного образования, о *безнравственности* современной науки и предложит спасти Русь... чем *бы?* ну, хоть латынью! Следовательно, тут нечего и рассчитывать на дело, которое началось бы без многого шума, но шло прочно и твердо; у нас только поболтают о нем – поболтают и бросят! Наше общество поэтому называют молодым, старым, незрелым, апатичным, ветреным и т. д. Но как вы его ни назовите, вы не уничтожите одного факта: трудно ему образовывать других, когда и ученейшие наши мужи не знают, что делать со своим образованием.

О наших народных наставниках мы также не будем много распространяться. Одни из них явились образователями на-

рода, подобно музыканту, которого судьба привела быть архитектором: они и хлопочут, как бы хоть на несколько раз собрать в школу кое-каких ребятишек; другие обучают из куска насущного хлеба, потому что не знают никакого промысла: таковы вольноотпущенные солдаты, спившиеся с круга писаря и церковники. Немудрено, что обучение грамоте считается у народа жалким промыслом. «Для че мне парнишку отдавать в школу, – скажет простолюдин, – нешто в учителя его готовить?»»

Но пускай у нас звание народного учителя непривлекательно даже для простолюдина; почему же у народа вообще так мало сознания в пользе грамотности? Многие на это ответят, что успех народного образования прямо зависит от развития промышленности, от большего или меньшего благосостояния, какого достиг народ. Эта мысль подтверждается и фактами: в местностях, где поселяне несколько зажиточнее, легче заводятся и школы. Впрочем, легко понять и без излишних доказательств, что поселянину, которому иногда для прокармливания семьи недостает и затхлого ржаного хлеба, всякое образование должно казаться неслыханной роскошью.

Мы согласны с тем, что, заботясь о народном просвещении, в то же время необходимо позаботиться об улучшении народного быта: одно дело связано с другим нераздельно. Примером этому еще могут служить бывшие у нас воскресные школы. Их посещали большею частью ученики и учени-

цы из разных мастерских: бесспорно, они сознавали пользу грамоты, надеясь при помощи ее скорее выбиться на более самостоятельную дорогу, — достигнуть звания мастера или мастерицы. Но хозяева мастерских большею частью видели в этом стремлении к грамотности один ущерб для себя, хоть бы потому, что общество узнавало о жалком, рабском положении детей в их руках, что не всегда можно было заставлять этих детей, отданных на произвол судьбы помещиками или родителями, работать и по праздникам. Закрывтие воскресных школ было для содержателей и содержательниц мастерских истинным благополучием.

Спрашивается, если бы даже образованная публика со всем усердием и постоянством занималась обучением в воскресных школах, не пришли ли бы они в упадок и вследствие того, что сами учащиеся скоро разочаровались бы в своем положении. Вместо улучшения своего быта, которого они ждали от грамотности, они уверились бы, что хваленое образование только ведет их к бесполезной борьбе, в которой им ниоткуда нет поддержки: еще когда-то произойдешь мудреную науку, а между тем хозяин распекает, бьет и по-прежнему заставляет работать до поздней ночи.

Следовательно, учреждение школ естественно вело бы за собою учреждение мастерских на новых, лучших основаниях.

Мы сознаем, как важны те или другие условия быта в деле образования; но, с другой стороны, и в местах более про-

мышленных, при довольно выгодных условиях, школы у нас не особенно процветают: что, например, случилось с Ясною Поляною? Кроме того, ждать улучшений в народной жизни, чтоб устраивать школы, значит, надеяться на чудеса, потому что зараз нельзя изменить всех неблагоприятствующих обстоятельств. Те, что имеют средства и доброе желание помочь народу, могут в одно время и задумать полезные улучшения, и завести школу. Первое необходимо для того, чтоб образование шло верным и твердым путем, чтоб народ видел его результаты в самой жизни и, наконец, сознал его потребность.

Если местность благоприятствует какому-нибудь промыслу и этот промысел не развился только вследствие крайнего обеднения жителей, то попытайтесь, нельзя ли удалить обстоятельства, от которых произошла бедность: вы, положим, устройте мастерскую, фабрику, какую-нибудь ферму, заведете то или другое производство, хоть бы оно состояло в тележном мастерстве, в приготовлении кос и граблей; но, во всяком случае, вы имеете в виду местную пользу.

Устроив дело не наобум, а с необходимым для этого знанием, приняв живое в нем участие собственным трудом, вы легко могли бы вызвать рабочие силы, дать хлеб десяткам, а при удаче и сотням бедного народу. Но показывайте, что вы все делаете для себя, а не в видах благотворения. Народ вообще недоверчив к благотворителям, да и обязанность быть благодарным поставит его в ложное к вам отношение.

При своем заведении вы откроете и больницу, потому что для вас же необходимо, чтобы ваши рабочие были здоровы; вы не откажете и посторонним в помощи, однако не будете ее навязывать никому, вы постараетесь более действовать убеждением через ваших же людей, взятых из народа, и постепенно приготовите их к тому, что они сами, без вашего содействия, будут в состоянии оказывать другим помощь. Назначив на первый раз наиболее выгодную заработную плату, чтоб привлечь к себе людей, вы постепенно откроете и запасной магазин для ссуды предметов, необходимых в хозяйстве, и сберегательную кассу. Чтоб ваше дело совсем не пропало, вы дадите все средства действовать каждому по мере сил, вы понемногу обратите новый порядок в обычай. Школа в этом случае будет устроена в тесной связи с вашим промышленным предприятием, и народ поймет ее необходимость: для грамотных вы прибережете лучшие места, назначите лучшую плату; в более широком кругу вы можете давать им разные поручения, поддерживать их на том или другом пути в жизни. Но эти грамотные пусть на самом деле будут лучшими людьми; ваша школа должна служить к их развитию, практически раскрывать им истинные начала науки: она должна быть проводником вашей хозяйственной и вместе просветительной мысли. Трудно или нет все это сделать? Нам кажется, что в небольших размерах очень легко было бы осуществить представленную нами программу. Повторяем, что тут самое главное с умением взяться за де-

ло и посвятить ему себя с полной решимостью. Но в ком же найдется такая решимость? Мы начали с того, что указали на беспечность нашего общества, на зыбкость русской природы. Действительно, недостаток стойкости в каком-нибудь полезном предприятии – наше главное горе. Но быстрое охлаждение к делу в нас очень часто происходит и от того, что мы за него принимаемся без всякого практического смысла и без необходимых для этого знаний: мы часто боремся с ветряными мельницами, и такая борьба, конечно, под конец утомляет.

Любовь к делу поддерживается успехом; успех во множестве случаев зависит от обстоятельств, которые не в силах отворотить отдельные лица, при всей их энергии; но надо сознаться, что мы очень легко успокаиваемся в невозможности действовать и складываем руки, как будто были бы совершенно правы. В нас нет ни тупого упрямства немцев, ни английской, строго вымеренной упругости и натуги, ни даже французской способности постоянно увлекаться одною и тою же фантазией: в нас есть удаля, из которой еще мало выработалось настоящей нравственной силы. Все-таки наше общество нельзя упрекнуть в совершенном эгоизме: оно способно на пожертвования, хотя некоторые из них оказываются бесполезными. К сожалению, для дела, о котором мы теперь рассуждаем, еще очень мало принесено в жертву нашим образованным обществом, хоть мы и видели не один пример благородной готовности, с какой некоторые лица отдавали

свой труд и деньги на пользу народного образования. Имея в виду подобных людей, мы и пишем настоящие наши заметки: мы будем довольны, если читатель, при всей их краткости, найдет в них хоть одну дельную идею.

Вопрос об устройстве народной школы принадлежит к числу самых практических и самых важных вопросов в нашей современной жизни. Для его решения необходимо собрать голоса как людей, хорошо знакомых с народом, так и лиц, знающих не в одной теории, а и на практике все педагогические требования подобного рода училищ; мы желали бы, чтоб наше мнение послужило в этом случае новым вызовом.

По мнению многих, там, где народ выражает свое сочувствие к грамотности, он смотрит на нее как на благочестивое дело, то есть видит в ней одну возможность угодить богу через чтение книг священного писания. Что касается благочестия нашего народа, то об этом никто и спорить не будет. Но самые религиозные его просветители согласятся, что такой взгляд односторонен, потому что религия не запрещает приобретать полезные знания. Такой взгляд именно доказывает, что грамотность до сих пор и не давала народу ничего полезного для кратковременной жизни. Поселянин строит себе избу и находит это полезнее, чем спать под дождем и снегом; он засекает свое поле, часто на удачу: авось уродится *хлебец*; он покупает на кровные деньги лошадь и корову, хотя почти уверен, что при первом падеже скота они околеют;

он отдает последнюю копейку ворожее, хотя в его же огороде растет трава, которую даст она напиться больному. Как ни плохо он все это делает, он рассчитывает тут на свою выгоду. Мы видим из этого, что он занимается не одними благочестивыми размышлениями. Отчего же то, что ежедневно занимает его в жизни, могло бы ему казаться странным и диким в школе? Ведь заставляет он своих ребятишек смотреть за скотом: отчего же он не дозволит им делать это вместе с учителем, который рассказал бы и об уходе за животным и о всех его природных свойствах, и о всей пользе, которую можно извлечь даже из дохлой лошади? Причина тут очень простая: учитель ничего этого разгадать не сумеет, а будет твердить долгие дни и месяцы: буки-аз = ба, да сказывать слова, которых смысл скрыт за тридевятью землями. Видя в грамоте такое мудрое дело, мужичок говорит: «Куда уж нам! Пусть себе господа читают книжки!»

Книжки, сбываемые народу ловкими ходебщиками, все самого бессмысленного содержания: немудрено, что он привикает смотреть на чтение, как на пустую забаву. Некоторые полагают, что для пользы грамотности и надо распространять подобные сказки, где главную роль играют черти, потому что народ охотнее их читает, что за истинно разумную книгу он не захочет и приняться.

При всех подобных замечаниях, мы хотели бы спросить, как, отнимая у народа всякий здравый смысл, вы будете просвещать его?

Большую любовью у простых людей пользуются также лубочные картинки. Мы уже имели случай однажды заметить, что картинки, искусно составленные, могли *бы* быть превосходным образовательным средством для народа. На них могут быть представлены разные промыслы, например ловля тюленей, разработка руды и проч., могут быть изображены наиболее замечательные местности России, важнейшие исторические события, сцены из морской жизни, из жизни в степях, различные фабричные работы и т. д. Под каждую картинкою должно находиться краткое и дельное объяснение того, что на ней представлено. Искусный выбор сцен, занимательная их обстановка, ясный и, где возможно, оживленный рассказ в тексте – все это заставит народ полюбить подобные картинки. Нам кажется, что защитники народной грамотности не довольно думали об этом простом средстве распространять в народе общие понятия по предметам естествознания, географии, истории, промыслов и даже гигиены. Сначала возбудив любознательность такими изображениями, вы уже дадите читать и книжки, в которых также следует прилагать рисунки к небольшому занимательному рассказу по какой-нибудь отдельной части знания. Цельные, систематические курсы, популярно излагающие какой-нибудь предмет, могут быть полезны только для тех, которые уже практически ознакомились с этим предметом и достаточно развиты, чтобы понимать его научное значение.

Наглядность обучения составляет первое требование в на-

родной школе. При наглядном обучении, вовсе не употребляя книг, можно с пятилетнего до одиннадцатилетнего возраста ознакомить детей с главными основаниями наук и дать богатый запас сведений. Ни одна народная школа не может обойтись без собрания картин и необходимейших естественных предметов. С другой стороны, окружающая природа, занятия жителей, самые игры детей, их собственное тело, их действия и привычки могут послужить предметом для наглядных толкований.

Что касается картин, то их завести стоило бы очень не дорого. В Англии подобные изображения обходятся по несколько пенни. На всемирной лондонской выставке мне удалось видеть очень разнообразный их выбор. Несколько дороже стоят изображения всех главных животных на одной таблице: птиц, рыб и млекопитающих в их сравнительной величине. Другие служат для наглядного понимания разных производств. Так представлены: а) «Шерсть и ее применение»: в середине нарисована овца, а кругом нее все, что делается из шерсти: платки, чулки, сюртуки, брюки, шляпы, косынки и проч.; б) «Шелк и его употребление»: в середине шелковичное дерево, шелковичный червь, бабочка и изображение кокона, а по сторонам: платья, зонтики, шляпы, косынки и проч.; в) «Кожа и ее употребление»: в середине бык, а по сторонам чемоданы, саки, сапоги, сбруи и т. п. Такие картины необходимо составить в применении к русскому быту. Рассказы о том, какую пользу можно извлечь из каждого

встречаемого предмета: из сосны и березы, из сала, кожи и костей животного, даже из брошенной тряпки, – дадут повод и объяснить тот и другой закон природы и его значение в деле промышленности. Но, разумеется, главным предметом для первоначальных толкований послужит то, что постоянно перед глазами детей: домашний труд в семье, полевые работы, насколько это доступно их понятиям, а потом уже отцовский промысел.

Сельская школа должна иметь своего рода кабинет, но стоящий очень недорого. В Англии такие кабинеты служат для пояснения обыкновенных вещей (*common things*); тут в коробочках разложены в порядке: образцы от ствола главных деревьев, образцы щетины, шерсти и шерстяной материи, обломок пчелиного сота, шелковичный кокон и шелковая ткань, кусок черепаховой кости, устричная раковина, образцы разного рода камней, глины, серы, камфоры и т. д. От умения учителя зависит решить, какие предметы тут наиболее необходимы, но дельные их толкования лучше пробудят дремлющую мысль, научат смотреть сознательно на все, что потом ни встретится в жизни. Так при самых незначительных средствах будут усвоены основания естественных наук. Значительно тут должно быть только практическое образование учителя; ему нужно не столько знать до глубины науку, сколько уметь каждое свое знание применить к делу: он должен знать, как без помощи дорогих машин устраивать простые опыты по физике; он должен сам приготовить хотя

простейшие модели для пояснения механических сил. Для обучения арифметике в школе необходимы большие счеты с разноцветными косточками, чтоб по ним наглядно делать необходимые выкладки. Этому же помогают разноцветные кубы; различно складывая их, мы наглядно объясняем все первые четыре действия арифметики: так одного цвета кубы служат для означения вычитаемого, другие – для остатка и проч. Впрочем, для той же цели можно употребить камешки, пальцы рук и все предметы, которые в общежитии подпадают счету.

Для географических толкований довольно одной большой карты России и большой карты всех частей света, полезен был бы и глобус. Но в картах и глобусе может явиться потребность только под конец преподавания. Учителю необходимо найти средства, чтоб дать ясное понятие о местности другим более понятным путем. Он сначала толкует относительное положение предметов в избе и научает учащихся составлять план ее с указанием всего, что в ней находится. После чего точно так же кладутся на план: дом, дворовые строения и, наконец, вся деревня; по реке, по озеру или по большой дороге учитель означает и другие местности, известные учащимся хоть по слуху. Так доходит он до села, до города, куда сбывают жители свои произведения или откуда получают многое, необходимое для жизни. В связи с этим он постепенно рассказывает о главных торговых и промышленных местах России, причем рисует и карту, объясняя расстояния

через сравнение с расстояниями, которые знакомы учащимся.

Для наглядных исторических рассказов также необходимы картины, хоть бы подобные тем, какие в последнее время у нас изданы Золотовым.

Заводя народные школы, у нас толкуют о грамотности; но это понятие о грамотности должно быть расширено. Нельзя разуметь под этим словом один механизм чтения и письма: вы захотите же, чтоб дети понимали смысл прочитанного, а чтоб они понимали несколько побольше того, что шалун Коля крал орехи и за это был наказан, необходимо развивать их понятия. Так, в народную науку, при самых умеренных ее требованиях, войдут некоторые существенные объяснения из области естествознания, географии, истории; их по мере средств школы и успехов преподавания можно ограничить и расширить, *сохраняя* все-таки связь и целость. Но знания эти должны иметь близкое применение к народной жизни.

Пусть школа пользуется всеми средствами, какие представляет деревенский быт, чтоб только осмыслить всякое занятие народа, а не выводить его из окружающей среды в какой-то отвлеченный мир.

Многие думают, что, знакомя учащихся с местными промыслами, давая им лучшее понятие о сельском труде, мы повредим общеобразовательному характеру школы. Школе, конечно, не следует быть обыкновенной мастерской. Если в

ней детям и назначаются разные работы, как, например, копание гряд, уход за разными растениями и животными, более легкие мастерства, то цель этих работ не одна житейская польза, а также здоровое развитие сил, наглядное знакомство с предметами науки. По крайней мере сад, огород и поле необходимы при каждой школе там, где есть возможность собирать детей в весенние и летние месяцы. Дело в том, что без этих практических работ народная школа у нас никогда не будет иметь успеха. Знакомя с отцовским промыслом, учитель толкует о промыслах в губернии и, наконец, во всей России; он занимает учащихся живыми рассказами о рыбной ловле, где она составляет главное пропитание жителей, об охоте за медведями и другими дикими зверями, о разведении пчел, об уходе за птицами и проч. При этом он объясняет и естественные свойства животных. Из растений он обратит особенное внимание на хлебные, на плодовые деревья, на некоторые ядовитые и лечебные травы. В своих толкованиях он не упустит из виду и общих понятий о гигиене, столь необходимых народу. Нет надобности, чтоб гигиена являлась как особый предмет в народной школе; умному учителю беспрестанно представится случай сказать дельное слово о влиянии воздуха, пищи, одежды, образа жизни на здоровье человека. В высшей степени необходимы только особые уроки для объяснения дыхания, пищеварения, кровообращения, *действия нервов*, мускулов и разных органов тела. Опытный учитель сумеет растолковать все это просто,

наглядно и без всяких научных терминов. Подобные толкования избавят народ от множества предрассудков. На эти предрассудки, происшедшие от невежества, должно быть обращено все внимание учителя: их не искоренишь никакими убеждениями, но с ясным, реальным взглядом на природу они падут сами собою.

Учитель может, например, остановиться подольше на объяснении естественных свойств в тех предметах, с которыми соединены у народа суеверные представления; таковы из животных: летучая мышь, сова, ворон, змеи и проч. Большая часть суеверных примет заключается в наших пословицах, но искусный учитель воспользуется этим же самым материалом, чтоб противодействовать предрассудкам. Так, есть пословицы, восхваляющие бороду, и есть другие, в которых говорится: «борода трава, скосить можно; мудрость в голове, а не в бороде; по бороде Авраам, а по делам Хам».

Наши пословицы и загадки особенно полезны при наглядных объяснениях и определении разных членов и органов тела и их действий. Так, отношение между пальцами правой и левой руки и пальцами ног живо выражено в загадке: «У двух матерей по пяти сыновей: пять братьев родных, пять двоюродных, а у них по пяти внучатных». Действия рук и ног метко определяются пословицей: «Ноги с побужкой, а руки с подхваткой». Присловья на зрение и слух уже прямо выражают реальный взгляд народа: «Кругленьким, маленьким до неба докинешь; позаочью, что ночью; слепой и в горшке до-

роги не найдет; не видишь, так и бредишь; глухому много чутся, а слепому много видится». Так, пословицами отмечены все предметы сельского общежития: родная хата со всеми ее частями и принадлежностями, родное поле, мир и община, все явления природы, с которыми народ борется или которые обращает в свою пользу. А сколько есть пословиц на труд и на деньги! Искусно выбрав их, можно бы представить на первый раз довольно здоровые основания простонародной экономической науки.

Что народ признает науку только в ее живом применении к практическому делу, доказывают изречения: «Не учась и лаптя не сплетишь; и птица, высидев да выкормив птенца, его летать учит; божьей волей свет стоит, наукой люди живут; не уметь, так и на свете не жить». Напротив, про отвлеченное знание говорится: «Не про нас писано; всю хитрость не изучишь, а себя измучишь; догадка лучше разума».

Кроме пословиц для живого толкования природы могут дать повод некоторые сказки, но не те, где преобладает фантастический мир и древнее, мифологическое воззрение на природу. Мы говорим о сказках, в которых рельефно изображаются природные свойства зверей, как, например, сказка о коте, козле и баране, очень кстати помещенная в букваре, который был издан теперь уже не существующим Советом петербургских воскресных школ. Избранные песни Кольцова и Никитина, кое-какие из басен Крылова также могут служить к тому, чтобы оживить преподавание в народной шко-

ле.

Таким образом, и содержание и форма науки, назначенной для сельских школ, должны быть указаны самою жизнью и характером народа; общеобразовательный элемент тут тесно связывается с местным и народным; педагогическое правило начинать с известного и близкого нигде не имеет такого строгого применения.

Что касается наглядного метода, о котором мы здесь говорили, нам предстоит одна опасность. Метод этот известен у нас преимущественно из немецких учебников, из немецких сочинений по части педагогики и через непосредственное знакомство с немецкими школами. Но в Германии этот метод направлен исключительно к развитию логических способностей слишком утонченною системою упражнений. Во многих немецких учебниках для первоначального обучения прекрасно изложены практические приемы при объяснении той или другой науки; но надо помнить, что всеми этими указаниями мы должны пользоваться самостоятельно и разумно. Можно сказать утвердительно, что русский учебник, составленный по образцу немецкого, будет, конечно, полезен для преподавателей и вовсе негоден для учащихся в русских школах. Та же самая система в применении к потребностям нашей жизни совершенно изменит свой характер.

Нас еще могут спросить: как найти учителей для представленной нами школы? Как выполнить ее программу? Мы повторяем, что имели в виду людей, готовых посвятить

себя народному образованию. Им, конечно, нужно будет основательно приготовить себя к такому труду; забыть всю прежнюю школьную науку и образовать себя вновь. Им особенно необходимо быть в тесном сближении с народом и обладать не только практическими знаниями, но и практическим умом, чтоб создавать дело возможное и прочное. Если бы нашлось несколько таких людей, то и при средствах, не слишком значительных, они могли бы много сделать. Образовать учителей из народа было бы тогда очень нетрудно.

В своем плане мы мимоходом коснулись разных сторон учения в народной школе; мы, конечно, не перечислили и десятой доли того, что может служить здесь предметом преподавания: мы, например, не говорили о том, как объяснять явления разных времен года, дня и ночи; мы не касались вопроса о том, что разуметь под нравственным развитием. Но кто устраивает школу, должен знать, как сделать выбор из всего наиболее необходимого. Запомнить твердо только одно, что без правильного развития грамота никогда не принесет тех плодов, каких можно бы ожидать от нее, и грамотник, уже на старости лет разбирающий по складам какую-нибудь серую книжицу московского изделия, в сущности, во всю свою жизнь ничем не отличался от безграмотного.